

Е. Бернет

Черный гость

Annotation

«Сильный стук в дверь прихожей заставил Ивана Ивановича Росникова болезненно вздрогнуть. Не мудрено: поздняя пора ночи, размышления в тиши и одиночестве, несколько чашек крепкого чая, опорожненные им одна за другою в продолжение вечера, чад от сигар, которых он превратил в дым и пепел целую дюжину, – повергли его в какое-то неестественное, напряженное, раздражительное состояние. Жилы на висках его бились, сердце мучительно трепетало, а воображение было настроено к восприятию чего-то неожиданного и странного...»

- [Е. Бернет](#)
    - [I](#)
    - [II](#)
    - [III](#)
    - [IV](#)
    - [V](#)
    - [VI](#)
    - [VII](#)
    - [VIII](#)
    - [IX](#)
    - [X](#)
-

Е. Бернет
Черный гость

Сильный стук в дверь прихожей заставил Ивана Ивановича Росникова болезненно вздрогнуть. Не мудрено: поздняя пора ночи, размышления в тиши и одиночестве, несколько чашек крепкого чая, опорожненные им одна за другою в продолжение вечера, чад от сигар, которых он превратил в дым и пепел целую дюжину, – повергли его в какое-то неестественное, напряженное, раздражительное состояние. Жилы на висках его бились, сердце мучительно трепетало, а воображение было настроено к восприятию чего-то неожиданного и странного.

Иван Иванович хотел было кликнуть своего слугу, чтоб приказать ему справиться о причине стука, но слуга его, Герасим, так громко храпел в кухне, что не подавал никакой надежды на возможность скорого пробуждения. Подумав немного, Росников решился идти в переднюю сам.

– Кто там? – спросил он нетвердым голосом, положив руку на железный крючок, замыкающий дверь. Ответа не было.

Он намеревался уже воротиться в свой кабинет, полагая, что ему почудился стук, как над самою его головою раздался такой пронзительный, настойчивый звон колокольчика, что Иван Иванович вздрогнул сильнее прежнего, торопливо сбросил крюк и отворил дверь в сени: прежде нежели успел он оглянуться, скользнуло оттуда, вместе с морозным ветром, что-то высокое и черное, шаркнуло по темной гостиной и скрылось в кабинете.

Захлопнув наскоро дверь, Иван Иванович бросился опрометью вслед за странным явлением. В кабинете, в облаках табачного дыма, на одном из кресел расположился уже капуцин в черной маске. Хотя бесчисленные складки плотного, блистающего атласа и висели на широких и сухих плечах его, словно кардинальская мантия на вешалке, но, говоря правду, прекрасный черный цвет его удивительно гармонировал с желтою шерстяною материю кресел, и вообще положение капуцина было так небрежно и грациозно, перчатки его так удачно обнаруживали стройную, продолговатую руку, острый носик и клинообразная борода маскировала такое веселое, ироническое выражение, что на этого гостя нельзя было довольно налюбоваться.

– Что за мистификация? – спросил Иван Иванович, став перед капуцином.

– Никакой, – отвечал тот, подняв голову и устремив на хозяина живые, сверкающие глаза. – Сегодня маскарад, и я замаскирован.

– Но, милостивый государь, – возразил Росников сухо (голос гостя показался ему совершенно незнакомым): – здесь моя квартира, а не зала Дворянского Собрания.

– Я сейчас оттуда. Стечение публики необыкновенное. Очень весело. У выхода такая давка, что я не мог дождаться шубы и прибежал сюда вот в этом таларей, без шляпы. Хорошо, что ваша квартира почти подле; иначе я мог бы схватить простуду. Скажите, пожалуйста, отчего вы не в маскараде?

– Скажите мне лучше наше имя, – произнес Иван Иванович прежним тоном.

– К чему это? Я ведь не пришел занимать у вас денег, свататься за вашу кузину или представляться вашей жене; да у вас и нет ничего подобного. Особенно потому, что вы холосты, приглашаю вас в маскарад и ручаюсь вам в занимательности нынешней ночи. Поспешим. Уже первый час в исходе. Время дорого: не издерживайте его на пустые вопросы.

– Помилуйте! – отвечал с досадою Росников, – если б я, против своих привычек, и имел хотя малейшее желание быть сегодня в маскараде, то пока окончу туалет...

– Маскарад кончится, – подхватил гость. – Поэтому и по многим другим причинам вы наденете домино и маску.

– У меня их нет, – возразил Иван Иванович, желая чем-нибудь отделаться, – а будить старого моего Герасима и посылать за ними из пустой прихоти, не соглашусь я ни за что в свете.

Он не договорил еще этих слов, как находчивый гость прыгнул, словно кошка, с кресел, вмиг сбросил с себя черную свою мантию и начал ее надевать на Ивана Ивановича. – Этот костюм сшит будто нарочно для вас, – лепетал он скороговоркою, застегивая крючки и завязывая ленты.

Ивана Ивановича особенно удивило то, что на безотвязном приглашателе в маскарад оказался другой капуцин, но уже фиолетового цвета.

– Я сегодня не брился, – начал опять Росников, все еще упорствуя, как бы остаться дома. – Я ни за что без маски не поеду.

В одно мгновение гость сорвал с себя маску и, очутясь в другой, ярко-огненного цвета, подал первую Росникову.

– Что за чудеса! – вскрикнул он, – на вас еще маска!

– У каждого из нас их несколько. Впрочем, мысль эта стара и вполне развита другими – не стоит распространяться. Лучше позвольте помочь вам.

Тут проворно приложил он к лицу Ивана Ивановича черную личину, дернул сзади шнурок, и она облепила его щеки так плотно, как знаменитая

историческая железная маска.

– Но я, право, еще не решился, ехать мне или нет, – повторял в раздумьи Росников, дергая атласную свою бороду.

– Решитесь после, а теперь – в путь! – возразил веселый капуцин. – Позвольте вам предложить дружеский совет: действуйте в эту ночь как можно смелее и самостоятельнее, отложив на время поэтические мечты о добрых и злых гениях. Ваш средний рост, тонкий стан, данное вам при крещении имя составляют общую принадлежность многих в столице. Все это очень счастливая и забавная случайность. Вероятно, вам хорошо известна история о великом раввине?

– О каком раввине?

– О том, который был так мудр, что на все вопросы давал только один ответ, гм! Вы меня понимаете?

– Нисколько.

– Поймете после, а теперь зовите поскорее своего лакея, чтоб он запер за нами дверь.

Пробужденный несколько раз повторенным криком или стуком в стену кухни, старый Герасим чуть не умер от страха, при виде двух незнакомых господ в странном наряде, одного с черною, а другого с пунцовой рожею. Ивану Ивановичу удалось наконец кое-как растолковать ему, что это он и что тут бояться совершенно нечего. Тем не менее, робко и неприязненно поглядывал Герасим на гостя, подавая своему барину енотовую шубу, шляпу и калоши; а когда оба они переступили порог – хлопнул он изо всей силы дверью и, повторяя: наше место свято! направился в кухню, где и заснул крепче прежнего.

– Ваш человек, – начал капуцин, быстро схватив Росникова под руку и гигантски шагая по занесенному снегом тротуару, – ваш человек принял меня... не знаю за кого... Вероятно, за того же неистощимого проказника, который любит загнать в частое поле оставленную у ворот ухарскую тройку, между тем, как молодой купчик, хозяин лихих рысаков, жеманно приглашает горожанок прокатиться с ним; который любит утащить маленький башмачок, брошенный во время ворожбы за ворота, и отозваться именем постылого человека сентиментальной барышне на спрос: как вас зовут? который любит поужинать в холодной бане с красавицей, что в полночь ожидает там суженого, и после замахнуться на нее тупым ножом, или скорчить, из-за плеч вдовы, в тусклое зеркало, чудовищную, уморительную харю. Я не говорю уже о помеле, которое подставляет он всякий раз, когда льстивая старуха хочет поцеловать в потьмах бородатого своего мужа, или об углях, насыпаемых им в карман

волостного писаря, взамен добытых лихоимством гривенников. Я согласен, что все это ведет за собою подчас странное недоразумение, смешную тревогу или забавную ссору, но зато уж никак не более. Словом, существенного бедствия от всего этого ожидать никак нельзя.

При этих словах вошли они в швейцарскую, где Иван Иванович едва мог упросить официанта, чтоб он принял от него шубу, калоши и шляпу на сохранение, потому что ни места, ни номеров уже не было.

Поднимаясь по устланной коврами лестнице, Иван Иванович запутался в своем широком костюме и чуть было не упал; это заставило его сильно опереться на руку своего спутника.

– Касайтесь сегодня, – шепнул ему тот на ухо, – как можно легче до руки тех масок, с которыми будете ходить. Вы знаете причуду этой предосторожности?

– Нимало.

– После узнаете.

Тут капуцин остановился, чтоб отдать билеты стоящему у входа швейцару, а Росников между тем вошел в залу.

II

Будто нарочно, гармонический оркестр Лядова приветствовал появление Ивана Ивановича оглушительным tutti своих инструментов, с которым сливались шарканье, говор, и хохот, и пицанье масок. Непроходимая их толпа, стеснившаяся у входа, в одно мгновение сжала его со всех сторон, как бы желая попробовать, крепки на его члены; она двигала его за собою вправо и влево, вперед и назад до тех пор; пока не вышвырнула в спасительный промежуток двух колонн. Здесь Росников успел перевести дух и кинул беглый взгляд на то, что его окружало.

В удушливой, влажной от тысячи дыханий атмосфере носился вверх легкий, голубоватый, прозрачный дымок, в котором блистали, словно бесчисленные группы звездочек, яркие огни люстр; преломляясь в кристальных подвесках, поражали они странным образом зрение своим радужным, изменчивым светом.

Большая часть замаскированных, хотя и были они закутаны с головы до ног, держалась стен и с непонятным наслаждением жалась к углам и выходам, где менее света и более давки, между тем, как середина залы оставалась почти пустою. Поэтическое воображение Росникова тотчас заподозрило в этом роковые тайны, драматические сцены и страстные переговоры; но сколько ни напрягал он любопытствующего слуха, однако ж не успел уловить, даже в самых темных и сокровенных убежищах, ничего, кроме очень обыкновенной фразы: «я тебя знаю, прекрасная маска», или тому подобного, для чего, казалось бы, вовсе не было нужно прибегать к таинственности.

Несмотря на безжизненное однообразие и томительную пустоту разговора, сопровождающие дам кавалеры казались необыкновенно весёлыми и совершенно увлеченными обаятельною прелестью маскарада; многие из них просто хохотали во все горло, предаваясь вполне счастливому, детскому самозабвению.

Как ни было великолепно и любопытно подобное зрелище, но Иван Иванович вскоре почувствовал нестерпимую скуку, которую даже и самый Лядов не мог разогнать очаровательными звуками своих мелодий. Облекая все черным цветом печального настроения своей души, не понимал он причины слышимого им со всех сторон нервического хохота и, в простоте своего безыскусственного сердца, приписал его, наконец, излишнему расположению к щекотливости, которым страдали бедные молодые люди,

толкаемые беспрестанно с обоих боков. Между ними уже отыскивал он глазами своего спутника в пунцовой личине, намереваясь дать ему порядочный нагоняй за то, что он притащил его в маскарад и отвлек тем от обычного сна, во время которого пригрезилось бы ему что-нибудь отраднее теперешних явлений. Тут заметил он черное креповое домино, которое, прислонясь к колонне, пристально на него смотрело.

С своей стороны Иван Иванович тоже уставил глаза на замаскированную незнакомку. Страшная бледность лица, резко просвечивающая сквозь нижнюю кружевную половинку маски, фосфорический блеск взглядов, исхудалый, но стройный стан, упрямое безмолвие и продолжительная неподвижность посреди общего говора и беготни придавали ей фантастический образ какого-то неземного видения. Росников оторопел и не двигался с места, будто околдованный.

Незнакомка, все еще не спуская с него глаз, медленно согнула опущенную к земле руку и подала ему букет камелий. Взволнованный до крайности, Иван Иванович приблизился и молча взял цветы.

Тогда левая рука незнакомки упала в сгиб его правой руки и они пошли в смежные комнаты, не говоря ни слова.

По временам загадочная маска судорожно вздрагивала и подавляла в груди чуть слышный вздох; по временам озиралась она с какою-то ненавистью и страхом на суетливую толпу. Иван Иванович не смел перевести дыхания, боясь, чтоб его призрачная спутница не улетела вверх или не провалилась сквозь землю. Вещее его сердце смутно отгадывало, что это поэтическое явление предстало пред ним только на одну минуту и никогда уже более не повторится, что эта сладостная тень, окруженная магнетическим блеском обманутой любви, сокрушенных надежд, неисцелимой скорби и безвыходного отчаяния, скоро совсем исчезнет, оставя в душе его одно грустное воспоминание, смешанное с сомнением в действительности того, что он теперь видит.

Переходя из комнаты в комнату, достигли они до отдаленного кабинета, куда немногие знали вход. Здесь, у ярко-блестящей стенной лампы, таинственная незнакомка вдруг оставила руку Ивана Ивановича и, став перед ним лицом к лицу, спросила прощающим сердце голосе:

– Жан, помнишь ли ты паше прошедшее? От этих магических звуков, в которых так и дрожали слезы, так и отзывался горький вопль погибшей страсти, обдало Росникова пламенем.

– Прекрасная маска, – отвечал он восторженным топом, – довольно слышать одно твое слово, чтоб не забыть тебя до могилы!

Как ни была удивительна эта фраза, но прелесть ее осталась

совершенно потерянною для незнакомки, потому что она, при первых звуках голоса Ивана Ивановича, с ужасом отпрянула в сторону, бросилась, как стрела, вон из кабинета и исчезла в темном потоке масок.

– Вот тебе раз! – произнес с удивлением и горестью Росников. – Стало быть, эта загадочная дама приняла меня за кого-нибудь другого! Ведь в столице ровно столько же Жанов, сколько Иванов, а их не перечесть и до рассвета! Прав глубокомысленный раввин, который отвечал на все вопросы одною многозначительною частицею: «гм!». Да не чудак ли я, в самом деле? Какая женщина будет говорить со мною о прошедшем? Разве я не знаю, что у меня нет прошедшего?

III

– У меня нет прошедшего, – повторил он, более и более поддаваясь мрачному расположению своего духа, – изжив двадцать семь лет, не сохранил я ни одного драгоценного воспоминания, не имел ни одной минуты, которую бы пожелал воротить сегодня! Я вращаюсь среди людей пунша, преферанса, мелких интриг и площадных анекдотов! Я не помню ни одной радости, над которой бы сам после не смеялся...

Каждый заметит, что Иван Иванович в этом монологе преувеличивал тягость своего жребия; с другой стороны, надобно сказать правду, что круг его знакомых далеко был ниже того общества, на которое имел он право по своим знаниям, приличным манерам и очень замечательной наружности. Самые денежные его средства, состоящие в тысяче рублях серебром процентов с наследственного капитала, подстрекали в нем недовольство настоящим его положением. Другой бы, на его месте, всякий день благодарил бога за то, что дарована ему возможность удовлетворять первым житейским потребностям и маленькое ограждение от натиска фортуны, но Росников томился, как запертый в клетке. Блажь эта свойственна многим.

При всем избытке способностей, обогащенных основательным образованием, осуществлению его намерений постоянно препятствовал недостаток родства в столице; особенно же были для него губительны врожденная застенчивость, слишком мягкий нрав и отсутствие практического смысла, когда этот смысл требовался в жизни.

Если тревожный ум Росникова волновался разными предположениями, то и сердце его, в свою очередь, не могло похвалиться спокойствием. С давнего времени жаждал он любви, но бедный молодой человек и в этом встретил неудачу, огорчение и тому подобные осечки. Ошибаются те, которые думают, что в делах такого рода можно обойтись без расчета, хитростей, сноровок, уловок и других мелких стратегом, чуждых и ненавистных благородной душе. После этого легко понять, отчего Иван Иванович не имел успеха там, где бы он должен иметь успех по праву любящего, готового на все пожертвования, сердца.

В эпоху первого своего дебюта в столице, проводил он вечера по воскресеньям у г-жи Кадарской, очень доброй старушки, которая ласкала Ивана Ивановича как сына своего старого знакомого и земляка. Кадарская жила в прекрасном собственном доме близ Большого Театра; все ее

попечения и думы, все надежды и опасения сосредоточивались на сиротевнучке, только что вышедшей из пансиона и не успевшей еще явиться в свете. С первого раза Иван Иванович до безумия влюбился в шестнадцатилетнюю Аннунциату – так называл он Анну Петровну. Сначала дело шло как нельзя лучше. Они вместе занимались музыкой, читали стихи, рисовали цветы и головки. Но вот минуло Аннунциате семнадцать лет, и тогда все повернулось вверх дном. Бог знает откуда набежали блистательные молодые львы, один другого ловчее, остроумнее и смелее. Бедный Росников незаметно очутился сначала на втором плане, а потом передвинулся на последний. Не имея средств сопровождать предмет своего тайного обожания на все вечера, балы, концерты и спектакли, он нечувствительно отдалялся от Аннунциаты более и более, стал реже ездить к Кадарским, а когда убедился, что его отсутствия не замечают – прекратил и вовсе свои посещения. Через несколько месяцев увидел он из газет, что Кадарские едут в Гельсингфорс; в час отплытия парохода прискакал он на Английскую Набережию, рассыпался в извинениях, уверяя, что продолжительная болезнь и занятия по службе сделали его невежливым пред знакомыми; по крайней мере теперь долгом он для себя почел пожелать им в день отъезда счастливого пути. Анна Петровна едва его узнала и поблагодарила вскользь за память о них.

Несмотря на это, провожая глазами ценящий воды пароход, Иван Иванович давал себе обещание бывать у Кадарских как можно чаще, осла только они благополучно и в свое время воротятся в столицу. Как же страшно замерло в нем сердце, когда, спустя три месяца, один из его товарищей ошеломил его вестью, что Анна Петровна вышла в Гельсингфорсе замуж и сделала удивительную партию! Вмиг почувствовал он глубокое отвращение к жизни, смертельную ненависть к похитителю своего идеала. Потеряв смысл и сознание, он уже не слушал и не хотел знать, с испанским ли грандом, с русским ли князем или с немецким бароном сочеталась изменница; ему это было решительно все равно: он желал только одного, чтобы карающие волны поглотили преступных на возвратном пути. Однако ж ничего подобного не случилось. Молодые благополучно прибыли в Петербург и поселились в том же самом доме, где Росников увидел в первый раз незабвенную Аннунциату, а умерла менее всех виновная бабушка, вероятно с радости, что устроила, наконец, счастье своей внучке... И действительно, это супружество казалось целому свету самым счастливым, муж – красавец, с значением в свете, богат и умен; жена – влюблена беспредельно в своего мужа.

С тех пор Иван Иванович сделался еще меланхоличнее прежнего и

ровно три года не приближался к Большому Театру, боясь мучительных воспоминаний и встречи с Анной Петровной. Тем не менее, его нежное сердце сохранило в себе глубоко запавшее чувство. Только это чувство с годами переработалось, просветлело и преобразовалось. Брожение страсти, дикие порывы ревности и досады – улеглись и остыли остался один самый тонкий аромат любви. В отрадные часы мечтаний представлялась ему Аннунциата точно такую, какую видел он ее в прежние счастливые дни: тот же высокий, едва развившийся стан; те же сафирные очи, та же детская улыбка. Даже милый этот образ являлся ему в сновидений и однажды сказал шепотом: «Не грусти, я всегда с тобою».

Под наитием таких странных экзальтации, Иван Иванович начал приписывать всякую возвышенную мысль, каждый великодушный подвиг свой влиянию своего идеала. Отсюда уже легко понять, отчего он называл Анну Петровну добрым гением.

IV

Что касается до злого гения, то им сделалась для Росникова Амелия Фрезиль, цветочница. Знакомый ему молодой человек, родственник Амелии, затащил его однажды к этой сопернице Флоры. Сначала Иван Иванович пошел просто от нечего делать, а потом захотел ближе узнать и подметить характер знаменитой модистки. Но прежде нежели успел он что-нибудь изучать, был он сам вполне изучен и проучен.

Мадам Фрезиль имела великолепный магазин. Редкое богатое семейство в столице не обращалось к ней с заказами; Иван же Иванович, наоборот, принимал от нее сам заказы: достать билет в ложу Михайловского Театра или в кресла итальянской оперы, добыть молодецкую тройку, чтоб ехать на загородный пикник, прислать карету для прогулки в Парголово и тому подобное. Здесь надобно заметить, что в случае неисправности Ивана Ивановича в исполнении таких лестных поручений беззаботная Француженка никогда не сердилась: она или обращалась с ними к другим молодым людям, или находила какое-нибудь иное развлечение, или оставалась дома и от всего сердца возилась с своими цветами и мастерицами.

Сам не зная как, Росников привык ее видеть почти каждый день. Ему нравилось ее бесцеремонное обращение, исполненное самых неожиданных, самых странных выходов, сквозь которые, однако ж, всегда проглядывали такт приличия и какая-то внешняя светская грациозность; ему полюбились ее звонкий смех, ее легкие остроты и неистощимые каламбуры, сменяемые вдруг куплетом водевиля, пропетого серебристым и верным голоском. Даже самая жажда общественных удовольствий и развлечений – ненасытная потребность пикников, маскарадов, спектаклей и балов – без всякой цели, с одним намерением устать, закружиться и ошалеть к безумном вихре забавы, – даже и это нравилось Ивану Ивановичу, как противоположность его задумчивому и грустному характеру.

Часто, когда вертлявая парижанка собиралась на какой-нибудь танцевальный вечер, погруженный в мягкие кресла Росников присутствовал, с видом знатока и педанта, при окончательном ее туалете. – «Monsieur Jean, – говорила она, вдруг оставя зеркало, – посмотрите, какие у меня волосы!» Тут, вытащив из головы шпильки и гребенки, исчезала она до пояса в богатой россыпи кудрей. – «А вот моя рука! – продолжала она

через несколько минут, поднося к самому его носу маленькую, благовонную, пухлую с ямочками кисть, которую Иван Иванович тут же целовал с медленной важностью. – Ну, а мое платье? Хорошо ли сделано мое платье?» – спрашивала она потом, поворачиваясь к Росникову спиной и представляя его взорам охваченную корсетом талию и розовые локотки обнаженных рук.

Амелия была говорлива и с тем вместе скрытна, откровенна и лукава, добра и расчетлива, вспыльчива как порох, но без малейшей желчи и злопамятства. Она терпеть не могла лжи, но также и не высказывала всей правды. Побуждаемая легким, веселым и неугомонным своим нравом, она находила удовольствие в беспрестанных сношениях с особами разных классов общества и не щадила стараний на услуги, очень редко увлекаясь в этом случае одними корыстными видами. Только к дамам, которые делали ей заказы, питала она какую-то скрытную ненависть. Оттого ли, что род ее ремесла совершенно зависел от их прихотливой, не всегда справедливой, оценки, или потому, что они часто обращались холодно и небрежно с артисткою (Амелия высоко ценила свое искусство и называла себя не иначе, как «артисткою»), но только злая француженка не пропускала случая подметить в них что-нибудь странное или смешное.

Само собою разумеется, что ее замечания Иван Иванович не оставлял без горячих возражений, которые в свою очередь Амелия опровергала новыми парадоксами. Это развивало спор, который нередко длился между ними до полуночи. Тогда Амелия подавала Ивану Ивановичу шляпу и, указывая пальцем на дверь, произносила скороговоркою:

– Мосье Росник, ступайте вон; я спать хочу.

Надобно сказать правду, что, несмотря на очень невысокую степень образования цветочницы, Иван Иванович находил в откровенной беседе с мадам Фрезиль очень много веселых минут. Но под лупою ничего нет постоянного, говорит допотопная пословица. С некоторых пор Амелия начала реже и реже принимать его. Только что просунет он голову в двери ее комнаты, как озабоченная чем-то парижанка стрелою бросится к нему навстречу и, отодвигая тихонько его назад, залепечет:

«Время нет, время нет; ступайте, ступайте!» Однажды, часов в десять утра, увидел он у ее подъезда прекрасную маленькую карету. Любопытный Иван Иванович позвонил у дверей магазина. Вышла очень стройная, очень бледная мастерица. – «Мадам Фрезиль никак не может теперь принять вас, – сказала она томным голосом, делая разные медленные движения гибким и высоким своим станом, – у ней теперь одна очень знатная дама; у ней теперь заказов столько, что ужаси!»

Росников воротился домой в самом скверном расположении духа и дал себе слово, при первом же случае, иметь с Амелией подробное объяснение. Недели две был для него вход в магазин недоступен; наконец удалось-таки ему попасть в комнаты Фрезиль. Она очень внимательно занималась работою и очень дружелюбно сказала обычное приветствие: «Добрый день, мосье Жан!»

Но мосье Жан был на этот раз просто нелюбезный, озлобленный Иван Иванович. Не отвечая на учтивость, грубо кинул он шляпу на стол и шлепнулся в кресла без всякого приглашения со стороны хозяйки. Такое новое обращение удивило и оскорбило гордую парижанку; когда же Росников, устремив на нее резко-насмешливый взгляд, начал делать обидные намеки и высказывать обиняками, что ему кое-что известно о карете, тогда Амелия, кусая губы и перемогая кипящую в груди досаду, едва могла проговорить в ответ, что никто не имеет повода надсматривать за ее поступками, что она не дала Ивану Ивановичу никакого на это права, что он для нее скучный, пресный кавалер и что ей решительно все равно, знает ли он что-нибудь или ничего не знает. Это затронуло, как нельзя более, самолюбие Росникова и заставило его, в свой черед, произнести Амелии такую откровенную фразу, что вспыхнувшая француженка мгновенно сорвалась с места и швырнула в него букетом искусственных ландышей. Росников ушел из магазина, проклиная цветочницу и самого себя за то, что искал знакомства и даже руки сумасбродной женщины.

Такое несчастное событие заставило Ивана Ивановича избегать улицы, где жила Амелия, точно так же, как удалялся он окрестностей Большого Театра. И точно так же воспоминание об Амелии стало его преследовать. Склонясь на одиночное изголовье своей постели, бедный молодой человек невольно видел пред собою особу француженки: ее свежие, подернутые смуглым румянцем щеки, вишневый, громко смеющийся ротик, низкий с легким янтарным отливом лоб и густые темные брови, под которыми сверкали живые, беспокойные глаза – это видение мало-помалу стало затмевать в воображении Ивана Ивановича образ Аннунциаты... по крайней мере, черты последней делались с каждым днем менее ясны и, наконец, слились в какой-то воздушный, холодный, строгий, мимо несущийся профиль.

Такую-то борьбу вели между собою в сердце Ивана Ивановича две женщины, из которых, в сущности, одна никогда о нем не думала, а другая, вероятно, через месяц совершенно его забыла!

– Добраться бы мне только до этого проклятого выхода на лестницу, а там уже меня никакими сокровищами опять сюда не заманят, – говорил сам себе Росников, лавируя и ускользя от масок, осаждавших его, как нарочно, со всех сторон, с непонятным ожесточением.

– Здравствуй! – пищала одна из черных проказниц, – как ты похудел! Как сплющился под башмаком милой твоей супруги!

– А эти цветы? – картавила другая, указывая пальцем на увядающие камелии, оставленные ему таинственной незнакомкой, – верно твоя жена бросила их на пол, а ты подобрал и носишь их у сердца?

– Откуда, в самом деле, взялись у тебя эти гадкие красные цветы? – зазвенел вдруг сердитый голос, и в то же время маленькое, резвое домино юркнуло к самому плечу Ивана Ивановича, мигом вырвало букет, растеребило его в лепестки и развеяло по сторонам.

Грабительская операция эта была произведена с таким изумительным проворством, что Иван Иванович, которому до смерти было жаль цветов, еще не успел прийти в себя от досады, как уже маленькое домино, подпрыгнув на носки крошечных своих ножек, начало ему шептать в самое ухо: «В два часа я буду; непременно буду. Жди меня». Затем домино снова юркнуло в толпу и потерялось из вида.

– Какая вертлявая стрекоза! – произнес Иван Иванович. – Робок я, неловок и ненаходчив: не умею в мутной воде поймать рыбу! Что, если бы подвернулась еще какая-нибудь маска? Я бы уж теперь обошелся похитрее и порешительнее... Да нет, нет: запоздалое намерение; вот уже и выход на лестницу!

На лестнице происходила еще большая давка, нежели в зале. Черные домино и капучины обставили, сверху донизу, все ступени, словно полк статуй из базальта. Надобно было дожидаться очереди, чтоб двинуться на вершок вперед. Между тем, оживленные свежим воздухом маски расточали, от нечего делать, последние любезности и остроты. Отовсюду слышались восторженные мольбы, прощальные вздохи и громкий смех неожиданно разоблаченной мистификации.

– Я буду преследовать тебя, маска, до тех пор, пока не узнаю твоего имени, – говорил статный мужчина с черными усами высокой, замаскированной даме, которую почтительно вел под руку. Даже не грациозные складки домино не могли отнять прелести у роскошного,

вполне развитого ее стана.

– Ты не пойдешь за мною ни шагу далее, – отвечал ему повелительный, мелодический голос, – иначе я стану жалеть, что отдала тебе одному почти целый вечер.

– Но, прекрасная маска, скажи мне, по крайней мере, могу ли иметь надежду еще раз тебя увидеть?

(«Вот должна быть красавица!» – думал Росников и протеснился несколько вперед, чтобы рассмотреть лучше замаскированную.)

– Увидеть? – повторила невнимательно маска, медленно поднимая к глазам своим лорнет и наводя его на Ивана Ивановича, – увидеть?.. Мне кажется, мы никогда уже более не увидимся.

Проговорив эти роковые слова, она, к совершенному изумлению Росникова, без церемоний притянула его к себе за широкий рукав капюшина, потом освободила свою руку от руки мужчины с усами и задела ее за руку Ивана Ивановича.

– О, вы безжалостны! – сказал статный мужчина. – В эту минуту я столько же ненавижу вашего кавалера, сколько ему завидую!

– А он, быть может, столько же ненавидит меня не то, что я увожу его из маскарада, сколько завидует вам в том, что вы можете опять туда вернуться и повторять другим ту же самую лесть, которую я от вас слышала.

– О, вы немилосердно насмешливы! Я хотел бы, со крайней мере, знать имя счастливого соперника, для которого так жестоко вы меня оставляете!

– Его имя – Красная ленточка, – отвечала маска и тут же выдернула из рукава удивленного Ивана Ивановича кусок пунцовой лепты, которого он прежде во-все не замечал.

Решительным движением руки дала она прежнему кавалеру знак, чтоб он удалился. Скрепя сердце, должен был тот на этот раз повиноваться, раскланялся и пошел вверх по лестнице, а Иван Иванович начал бережно спадать замаскированную вниз, в швейцарскую, где толпа служителей давно ожидала господ своих.

– О, какая тоска, какая невыносимая скука! – произнесла замаскированная дама, склоняя к груди утомленную свою голову. Эти слова гармонировали с печальным настроением Ивана Ивановича, и он а ответ на них не мог не прижать тихонько своим локтем милой ручки, так доверчиво отданной в его распоряжение.

Быстро повернула к нему замаскированная дама голову и взглянула на него с таким холодным, презрительным изумлением, что Росников

смешался совсем, вспомня тут же слова краснорожего капуцина: «касайтесь как можно легче до руки тех дам, с которыми будете ходить в маскараде».

Маленькая эта катастрофа происходила уже на последних ступенях лестницы. Тотчас высокий лакей, растолкав менее рослых своих товарищей, выдвинулся вперед и осторожно подал замаскированной даме бархатный, на собольем меху, плащ и зеленую шаль. В то самое время как Иван Иванович, по долгу учтивого кавалера, помогал очаровательной незнакомке закутывать голову, почувствовал он, что лакей набросал также и на его плечи огромную шубу; он хотел сказать, что эти покрытые синим сукном медведя принадлежат вовсе не ему, но расторопный слуга так живо сунул ему в руки чужую шляпу и так проворно кинулся вон из сеней, что Росников успел произнести только: гм!

– Карета Долевского готова! – крикнул жандарм у подъезда. Лакей отворил с улицы дверь и высунул оттуда свою голову в лунообразной шляпе; замаскированная дама двинулась на крыльцо; смущенный Иван Иванович, не зная куда ему девать чужую шляпу и шубу, последовал за нею.

С помощью лакея медленно вошла замаскированная дама по откинутой подножке в экипаж и села в противоположный угол; ревностный служитель тотчас схватил Ивана Ивановича под руку, приготавливаясь тоже усадить его в карету; но Росников попятился назад, все еще поглощенный размышлением, как бы ловчее возвратить навязанную ему шубу и шляпу.

– Садитесь же! – раздался из экипажа недовольный голосок, – вы сегодня просто непостижимы!

«Пожалуй! – весело подумал про себя Иван Иванович, произнося в то же время выразительное: гм! – Извольте, я сяду! – думал он: – только уже после чур на меня не пенять! Едва ли сыщется на свете чудак, который бы после таких настоятельных приглашений отказался от неожиданного счастья вам сопутствовать». Тут Росников в самом деле ввалился в карету: лакей мегом захлопнул дверцы, крикнул кучеру:

– «Пошел домой!», – и карета покатила.

VI

«Вот приключение! – думал Росников, смеясь исподтишка в бороду своей маски и боязливо поглядывая на незнакомку, которая, не обращая на него никакого внимания, смотрела в противоположное стекло кареты. Со мною происходит теперь самая маскарадная, самая романическая авантюра! Я не только очутился в чужой шляпе я шубе, по еще в чужой карете! А хороша должна быть эта Долевская! И к тому же, надобно полагать, страшная чудиха, затейница и озорница! Я ведь не так прост, чтоб все это приписывать одному случаю; случай-то всегда был против меня; разве только теперь... Нет, нет! Тут есть своего рода расчетец, намеренье какое-нибудь, какая-нибудь светская проделка, женская уловка, дамская хитрость...»

– Как мне жарко! – произнесла чуть слышно незнакомка и, откинув шаль, начала развязывать ленточки своей маски.

«Интересно, интересно, дьявольски интересно!» – бормотал про себя Иван Иванович, между тем как его сердце прыгало, словно заяц, от безмерного любопытства и нетерпения увидеть скорее лицо Долевской...

Маска свалилась – у Росникова потемнело в глазах, кровь замерла в жилах; он почти лишился чувств...

Между тем экипаж остановился у подъезда; лакей отворил дверцы и откинул подножку.

– Выходите же! – раздался опять недовольный голосок, вы сегодня просто ни на что не похожи!

Уничтоженный Иван Иванович беспрекословно позволил лакею вытащить себя из кареты, машинально подал руку даме и побрел с нею по широким ступеням лестницы.

Удар в колокольчик вызвал всех служителей со свечами и без свечей; окруженные ими, Долевская и Росников вступили в переднюю; там первая оставила на руках лакея свой плащ, а Иван Иванович чужую шляпу и шубу.

Затем Долевская вошла в огромную залу; Иван Иванович бессознательно последовал за нею.

Долевская сбросила с себя домино... О, какую прелестною явилась она в своем голубом шелковом платье! как роскошно выказался ее высокий стан! как обнаружили ее круглые, атласистые плечи! какими розами алели ее снежные щеки, согретые и раздраженные долгим прикосновением маски!

Растерявшись еще более при виде таких несравненных прелестей, Иван Иванович собирался уже бежать, как Долевская, не обращая по-прежнему ни малейшего на него внимания, точно как будто вовсе не было его в зале, позвала служанку.

– Проводи меня, Верочка, в спальную, – сказала она, – я так устала, что едва держусь на ногах.

Когда Долевская и горничная вышли чрез боковые двери из зала, Иван Иванович бросил дикий взгляд на лакея, ожидавшего в передней, с разинутым ртом, приказаний. «Этот человек, – думал он, – принимает меня за своего барина, стало быть, Долевского нет дома. Чтоб избежать огласки, надобно мне отыскать другой выход и потихоньку юркнуть восвояси». С этою целью Иван Иванович пошел вдоль залы к противоположным дверям; служитель, в котором, по одутловатому лицу и пестрой жилетке, украшенной массивною цепочкою, не трудно было узнать камердинера, торопливо обогнал его со спетою и начал отворять пород ним одну за другою двери в смежные комнаты. Следуя за ним, Росников копал сначала в богато убранную гостиную, после в столовую и, наконец, в круглый кабинет, обставленный широкими диванами в турецком вкусе.

Камердинер зажег стоявшую на столе бронзовую лампу, выдвинул боковой ящик из врезанного в стену шкафа и достал оттуда персидский халат, кашмировые туфли, пуховый шейный платок и шелковый, с радужными полосками по планшечному фону, колпак, подобный тем, какие носят неаполитанские рыбаки. Тщательно разложив все это на оттомане, спросил он Ивана Ивановича: «Угодно ли раздеваться?»

Росников не хотел до такой степени искушать судьбу; он сделал на этот вопрос отрицательный знак головою, показав притом повелительным жестом на дверь. Догадливый камердинер, отвесив низкий поклон и пожелав покойной ночи представителю Долевского, отправился опять тою же дорогою, которою пришел. Иван Иванович долго слушал, как стихали мало-помалу в отдалении тяжелые и мерное шаги его.

VII

Только теперь, когда все умолкло и засыпающий дом погрузился в совершенную тишину, только теперь отважился Росников дать исход неистойой буре потрясенных чувств своих.

«Аннунциата! – возопил он, размахнув трагически руками. – Аннунциата! Ты – Долевская! Великий боже, как не утратил я рассудка, убедясь в этой страшной истине! Как не одолела меня слепая ярость мщения при виде этих вечно памятных комнат, где назад тому четыре года был я желанным, милым гостем и где являюсь теперь робким и нечаянным пришлецом.

Объясни же мне, непостижимая, каким образом очутился я подле тебя? Привела ли меня сюда странная воля жребия или твоя жестокая прихоть? Сочла ли ты меня в самом деле за твоего мужа или только, под видом ошибки, умышленно ввела в обитель роскоши бедного страдальца, желая показать ему весь блеск, всю неприкосновенность супружеского счастья, которым ты наслаждаешься? Ах, если все это заранее предначертано тобою – подумала ли ты, Аннунциата, как безжалостно разбиваешь преданное тебе сердце, и без того уже сокрушенное горем?»

Увлеченный драматизмом своего положения и реторикую, Иван Иванович наговорил бы, конечно, гораздо более, если б легкий шорох в соседней комнате не заставил его вмиг прикусить язык и наострить уши. Через минуту дверь из библиотеки тихо отворилась; из нее вошла, или точнее сказать, вползла в кабинет, как кашка, босая девчонка лет четырнадцати, с огромною головою, широким носом, с хитрыми косыми глазами.

– Барыня давно почивают, – прошептала она, таинственно подкравшись к Росникову, и, бросив на самого барина лукавый, воровской взгляд, обличающий какое-то, обоюдное условие, выползла из кабинета.

Появление этой странной вестницы произвело в чувствах и мыслях Росникова невыразимую сумятицу, которую ближе всего можно сравнить, пользуясь старым уподоблением, с дикими и смешанными диссонансами настраиваемого оркестра. Но громче и явственна всех звуков, раздавалась в душа его тема: «барыня почивает!» «Что за непостижимый церемониал в этом доме! – думал он. – Извещают мужа, что жена его спит! Зачем этот лукавый взгляд и насмешливая таинственность косой девчонки?.. Мне кажется, что Долевская и эта босая Ирида очень хорошо знают, что я не

Доловский. Нет, нет! Это мне так показалось. Чтоб не вышло из моего настоящего положения какого-нибудь скандала, я должен уйти отсюда без всякого шума и не подав о себе не малейшего подозрения прислуге... Я пойду к Аннунциате, расскажу ей, кто я, и тогда, с её помощью; выберусь из этого дома до возвращения Долевского. Только маска и костюм теперь уже не к стати. Странствуя в них по комнатам, можно наткнуться на лакея или на служанку: пожалуй, они содумают, что господин их помешался, и поднимут тревогу. Лучше представиться тем, за кого они меня принимают».

Окончив эти размышления, Иван Иванович смело сорвал с себя личину и сунул ее в карман; потом надел сверх капуцина халат, напялил на носки сапогов туфли, завернул шею и бороду в платок и натянул на голову, до самого носа, неаполитанский колпак. В таком новом наряде вышел он тихонько из кабинета, оставя на столе непогашенную лампу и притворив за собою бережно дверь.

И вот, увлеченный судьбою, герой наш проходит опять комнаты одну за другою и вступает, весь дрожа от робости, в темную залу. Здесь долго прислушивается он, не долетит ли до его ушей какой-нибудь шорох или шепот, не раздадутся ли где-нибудь человеческие шаги – в целом доме царствует мертвая тишина. Это ободряет лазутчика, и он, задерживая дыхание, пускается в длинный коридор, в котором исчезла Аннунциата. После многих закоулков и извилин, руководимый впотьмах памятью и усиленным соображением, он наконец ощупывает дверь. Тут повертывает он ручку замка и, будто тень, проскользает в теплую, ароматическую комнату.

VIII

Слабый призрачный свет лампы, мерцающей в белой мраморной вазе, теплится, словно жертвенный огонь пред усыпленной богинею красоты. Озаренная трепетными лучами этого магического света, в пышных волнах батиста и кружев, поживает Аннунциата на роскошном ложе. Щека ее, недавно еще пылавшая румянцем, покрыла теперь матовая бледность и какая-то грустная истома запечатлела уста и разлилась по челу красавицы.

При виде такой чистой; кроткой, беззащитной прелести, нечто подобное жалу совести кольнуло в сердце Ивана Ивановича. Вдруг почувствовал он всю неуместность своего поступка и ощутил неожиданную охоту бежать как можно скорее назад, чтоб предупредить развязку необдуманного своего предприятия. Но куда бежать? как скрыться из дома, не быв замеченным прислугой? Бедный Иван Иванович стоит посреди комнаты в совершенном отчаянии. Тень его падает на лицо Аннунциаты... Она вздохнула, сделала движение и пробудилась.

В один миг Росников повернулся, словно на шалпере, к ней спиною и заслонил собою свет лампы.

– А! – говорит красавица томным голосом, – это ты? Зачем вы так поздно в моей комнате?

Совершенно потерянный, Росников не отвечает ни слова и начинает поправлять светильню лампы.

– Что вы делаете с моею лампою? – продолжает Аннунциата, – зачем вы гасите огонь?

При этих словах Иван Иванович, но зная сам, для чего и каким образом, в самом деле потушил лампу.

– Ах! – вскрикивает красавица испуганным и вместе гневным голосом, – оставьте меня, подите сию же минуту отсюда.

Но, взволнованный до глубины души и но оная, что делать. Росников бросается на колени...

– Не приближайтесь ко мне, – кричит она. – Ваше присутствие наводит на меня ужас и внушает мне глубокое отвращение!

После такого приветствия и минутного безмолвия, в продолжение которого изумленный Росников успел кое-как собраться с мыслями, вырвались задушаемые, истерические рыдания из груди бедной женщины. «Нет! – говорит она, плача – не обманут меня более твои предательские клятвы, не тронут меня твои коварные слезы и ласки! Я поняла тебя, Жан, я

теперь совершенно постигла безбожное твое вероломство! Скажу тебе прямо: жестокая твоя холодность и ветреность, которая для меня давно уже перестала быть тайною, в тысячу раз для меня сноснее, нежели настоящее твое лицемерие! Теперь, теперь... О, как презрительно твое льстивое уважение! как много ошибаешься ты, если надеешься возвратить мою обманутую доверенность подобными мелочами!

И к чему эта смешная маска раскаяния? Этот неожиданный возврат нежности, к которой ты вовсе не способен? Разве между нами не все уже кончено? Разве ты не назначал сегодня свидания другой? Будь покоен, Жан: эта роковая тайна ляжет со мною в могилу. Свет, которому ты поклоняешься, не перестанет видеть в нас пример счастливого супружества; наш дом не утратит общественного уважения и сохранит доброе имя извне, чем ты более всего озабочен. Я горда, Жан, столько же, как ты; по я горда иначе: я так же старательно скрываю перед людьми твои недостатки, как ты суетно выказываешь перед ними мои хорошие качества!

Быть может, тебя привело опять к ногам моим опасение, чтоб покинутая жена не уступила, наконец, соблазнам, которые свет расставляет каждой чем-нибудь замечательной женщине... Я знаю, это опасение нестерпимо для твоего самолюбия, и если ты охладел для соперничества в любви, тем не менее возненавидел бы соперника по непреклонной твоей гордости; я знаю это, Жан, но вместо того, чтоб подстрекать подобного рода ревность, раздувать ее пламень, скажу прямо, что тебе тут нечего бояться. Будь уверен, никакие обольщения, никакие преследования не заставят меня забыть произнесенной пред алтарем клятвы. И забытая тобою, я сохраню до могилы несокрушимую тебе верность и безропотную покорность моему тяжкому жребию!»

IX

«Недостойный человек! – повторял в глубоком раздумье Иван Иванович, поспешно выходя из комнаты, убедившись, что у него не останется смелости объявить Долевской о себе и вывести ее из заблуждения... – Какую тайну открыл мне сегодня случай! О, как недалновиден, как опрометчив свет в своих суждениях!»

Измученный разнообразными ощущениями этой обильной происшествий ночи, Росников не без удовольствия приближался к кабинету, намереваясь как можно скорее сбросить там с себя чужое платье и отправиться домой через переднюю, не боясь ничего, что бы с ним ни случилось, лишь бы как-нибудь выбраться из дома на улицу.

С этими мыслями отворил он дверь в кабинет, но только что переступил порог – вдруг раздались поспешные мужские шаги в кабинете. «Теперь я погиб!» – прошептал жалобно Иван Иванович и в бессознательном страхе прижался к стене, подле самой двери...

В этой истории всего страннее то, что мы, войдя вместе с Иваном Ивановичем Росниковым в дом Ивана Казимировича Долевского и достаточно ознакомившись с его кабинетом, не обратили никакого внимания на самого хозяина дома, даже не любопытствовали узнать, как и где проводит он нынешнюю ночь. Из вышеописанных обстоятельств мы только можем догадываться, что он приехал в маскарад вместе с женою и оставил свою шубу и шляпу, с плащом и шалью жены, на руках длинного лакея в сенях. Против обыкновения, Иван Казимирович был замаскирован. Однако ж он успел заранее предупредить, кого надобно, о красной ленточке, нарочно вдернутой в правый рукав его домино и долженствующей указать посвященным в тайны его затей, что под ним скрывается его особа. Только что ввел он жену свою в залу, как она, будто угадывая тайные его желания, подала руку своему кузену. Очутья таким образом на совершенной свободе, Долевский мигом юркнул в толпу и начал прилежно искать встречи с теми, с кем нужно было ему переговорить. Но как ни старался он заинтриговать, проходящие маски, в которых подозревал своих знакомых, отделялись от него двумя-тремя словами, чтоб доказать ему, что он ошибся.

– Терпение мое истощилось! – говорил про себя Долевский, поднимаясь на хоры. – Слово невидимый выходец из другого света, странствую я из одной комнаты в другую, бесплодно добиваясь возбудить

чье-нибудь участие! Ужели маскарадный наряд до такой степени изменил мою фигуру? А условный знак? Мне кажется, пора бы наконец кому-нибудь обратить на него внимание!

При этих словах, он бросил взгляд на свой правый рукав и с удивлением заметил, что красная ленточка исчезла. «Нечего сказать, – продолжал он, – приятное открытие! Верно я как-нибудь выронил ленточку при входе в залу: мудрено ли после того, что меня никто здесь не узнает? Поздняя и бесполезная отгадка! Остается покориться своей участи и ехать домой. Но прежде надобно отыскать жену».

Вскоре заметил он внизу домино своей жены, которая ходила об руку с незнакомы?! ему мужчиною и о чем-то жарко говорила. Это не совсем ему понравилось. Нахмуря брови, поспешил он к лестнице, намереваясь сей же час сойти в залу и увезти жену домой.

– Стой, приятель! – раздался вдруг подле самого его уха резкий голос и в то же время капуцин, в маске огненного цвета, крепко схватил его за руку.

– Поди прочь, – отозвался Долевский с досадою, усиливаясь освободиться от незнакомца, – благодаря бога, у меня вовсе нет подобных тебе приятелей!

– Мяу, вау, бау, – запищал капуцин, дерзко заглядывая в глаза Долевскому, – старая, любезнейший, шутка! Хрипи, басы, картавь, переменяй свой голос сколько угодно, меня этим не обморочишь! Я за тобою уже давно наблюдаю. Я узнал тебя по твоей походке, которая сильно изобличает провинциального разгильдяя. Хочешь, скажу, зачем ты здесь?

– Рад слушать.

– Строишь куры вон этому домино, под которым, по твоему мнению, скрывается Долевская.

Как ни смешны были эти слова, но Долевскому неприятно было убедиться из них, что инкогнито его жопы известно постороннему человеку. – Я не знаю никакой Долевской! – произнес он глухо.

– Полно, милый, болтать вздор! – возразил капуцин с фамильярною настойчивостью. – Уверяю тебя, что все эти эксцентрические проделки, в которые так наивно вдался ты ради Долевской, ровно ни к чему не служат и крепко отзываются провинцией, откуда ты приехал. Я знаю, тебе смертельно хочется поговорить теперь с ней; пожалуй, я бы мог помочь в этом смешной твоей неловкости, но будет ли от этого прок? Кроме дарования отпускать светские комплименты, которого, впрочем, решительно ты не имеешь, пред женщинами необходима интересная наружность, а ее, благодаря твоей уродливой маске и чудовищному домино,

никак но можешь ты сегодня употребить в дело. Надменная Долевская срежет с первого раза молодые побеги твоих надежд, так что никогда уже им потом не дорости до цвета. Лучше подождем случая, когда в полном блеске можешь ты выказать перед ней голубые свои глаза, русые кудри, свежие щеки и жемчужные зубы. Хочешь, я введу тебя в дом Долевского?

– Сделай одолжение! – отвечал Иван Казимирович, бросив испытующий взор на капуцина и стараясь узнать по голосу, кто бы это был?

– Там будем мы помогать друг другу, занимаясь, впрочем, каждый по своей части. Я стану играть и отвлеку тем Долевского от наблюдений за женою, а ты своим волокитством за нею развлечешь его внимание, чтоб он скорее проигрался.

– Придумано славно! – вскрикнул Долевский с злобным хохотом, – только мне кажется, что мы оба останемся в дураках!

– Тебе это кажется потому, что не знаешь некоторых обстоятельств, давно известных целому свету!

– Какие же это обстоятельства?

– Во-первых, неизлечимая страсть Долевского к игре. Несмотря на огромное свое состояние, часто просиживает он за картами целые ночи, и это самое было началом раздора между ним и его женою.

Долевский пришел в смущение, чувствуя справедливость этих слов и убедясь из них, что его супружеские отношения не тайна для других.

– А во-вторых? – спросил он нетвердым голосом.

– Во-вторых, сумасбродная страсть Долевского к волокитству. Несмотря на то, что судьба послала ему прекрасную, милую и образованную подругу, он беспрестанно любезничает с другими.

– Далее, – прервал Долевский, краснея от стыда и злости под маскою.

– В-третьих, жалкие последствия таких поступков, то есть: титло лицемера в обществе, охлаждение жены, которая, скучая одиночеством, будет непременно иметь нынешнюю ночь, в два часа, свидание в своем доме с одним очень любезным молодым человеком, влюбленным в нее до крайности.

– Лжешь! – закричал Долевский в бешенстве, – теперь уже половина третьего, а Долевская не оставляла маскарада ни на минуту: вот она тот мимо пятой колонны, как ты и сам, дрянной клеветник, можешь видеть!

– О, провинция! О, простодушие! – возопил капуцин. – Сойди-ка, любезный, вниз и побеседуй с той маской, которую так наивно принял ты за Долевскую; тогда узнаешь, я ли клеветник – ты ли глупец!

– Жди меня здесь, – отвечал Долевский, – я намерен поговорить с тобою не по-маскарадному.

– Буду ждать, пожалуй, до рассвета, чтоб только досмеяться вдоволь над твоим уморительным ослеплением!

Вне себя от досады, бросился Долевский с хор и побежал к тому месту, где видел Долевскую. – Пора нам домой! – произнес он сухо, поравнявшись с известным домино.

– Поедем, милый плутишка, поедем! – зашамкал из-под маски дряблый старушечий голос, заставивший Долевского отпрыгнуть в сторону от ужаса и изумления. – Я готова ехать, – продолжало домино, настигнув Долевского и устремив на него тусклые зеленые глаза. – Что же ты стоишь, словно окаменелый? Посмотри, какая у меня славная ручка! – Тут старуха сняла перчатку и поднесла к самому его носу желтую, иссохшую, морщинистую руку. – Видишь, какие у меня острые ноготки! – прибавила она злобно и насмешливо, – доберусь я, доберусь до твоего влюбчивого сердечка!

Опрометью пустился Долевский из залы, чтоб отвязаться от этого оборотня.

– Ожегся, осекся, укололся, срезался! – кричал ему вслед неумолимый капуцин, задыхаясь от хохота.

Смущенный и рассерженный как нельзя больше, Долевский торопливо пробежал всю анфиладу комнат, отыскивая свою жену, но нигде не мог ее встретить. «Неужели проклятый капуцин сказал правду?» – повторял он, спускаясь в сени большого подъезда, где надеялся найти своего лакея. После долгих и напрасных поисков, Долевский наконец убедился, что его жена, его экипаж, его лакей, его шуба и шляпа – исчезли. Терзаемый тысячью ревнивых предположений, решил он, во что бы ни стало, скакать скорее домой, чтоб там добраться до развязки таких необыкновенных приключений.

– Послушай, любезный, – говорил он полусонному хранителю плащей и калош, – одолжи мне какую-нибудь шинель и фуражку, или хоть ливрею и картуз, чтоб доехать до дома. Я Долевский. Мой человек и экипаж пропали без вести.

– С удовольствием, – отвечал тот, узнав знакомый ему голос. – Только ливреи-то наши немножко позатасканы... будет неладно. Вот у Петрушки новая ливрея, да на беду такая длинная, что вы в ней просто запутаетесь.

– Все равно, братец; я готов укутаться теперь в саван, лишь бы скорее отсюда уехать.

– Сохрани от этого господи!.. Если б вы пожаловали часом прежде, я мог бы представить вам любой плащ, или шубу: их была здесь целая пропасть; а теперь господа разъехали и все разобрали. Но приложу ума,

как услужить вам! Позвольте-ка, однако ж, позвольте: кажется, там, на верхней полке, что-то лежит... Ну, слава богу! вот вам енотовая шуба, шляпа и калоши. Хоть они и больно ветхи...

– Ничего, братец, ничего, – говорил Долевский, торопясь облечься в оставленную Иваном Ивановичем Росниковым одежду, – я сей же час пришлю тебе обратно всю эту дрянь с моим человеком, а взамен ее возьми, пожалуйста, мой противный капучин и маску, под которой я совсем задыхаюсь. Дарю их тебе за хлопоты; отныне я не намерен больше маскироваться! – Тут Долевский выбежал на улицу и, бросясь в сани первого попавшегося ему на глаза извозчика, помчался домой.

Он был очень изумлен, заметя, что дверь маленького подъезда, доступная только ему, была не заперта. – «Нет сомнения, – кричал он, вбегая в кабинет и бросая на пол шляпу, шубу и калоши Ивана Ивановича, – нет сомнения, во всем этом кроется какой-нибудь ужасный обман, давно известный целому свету!» Тут растворил он наотмашь двери залы и побежал к Анне Петровне.

А спасенный этим порывом Росников вышел на цыпочках из залы и, зацепясь ногою за неожиданно возвращенную ему одежду, поднял ее и мигом надел на себя; затем бросился опрометью из дома.

– Из всех чудес нынешней ночи, – бормотал он, стремительно выбегая на улицу, – явление моей шубы, шляпы и калош – самое необъяснимое чудо!

Долевский вошел к Анне Петровне, сгорая адскою жаждою стать наконец лицом к лицу с вероломною, насладиться ее испугом и напрасными мольбами. Но он был встречен вовсе не так, как ожидал. При его появлении лицо Анны Петровны выразило не боязнь и замешательство, а какое-то гневное изумление, смешанное с презрением. Расширив глаза, смотрела она на своего мужа, как смотрит неприступный судья на дерзкого и закоснелого преступника.

– Как смели вы войти сюда? – спросила она грозно.

С своей стороны Долевский, остолбенев от такого приема, тоже вперил удивленные очи в лицо жены.

– Я пришел, – отвечал он наконец зловецим, глухим голосом, – я пришел, сударыня, требовать отчета в ваших поступках.

– Вы? В моих поступках? Вы потеряли на это вечное право, и я не хочу вас более ни слушать, ни видеть.

– Нет, Анна, – вскрикнул Долевский, – не так скоро откажусь я от этого права, как ты полагаешь! Моя несчастная ветренность разве может оправдать твое холодное вероломство? Должна ли ты платить мне злом за зло? Разве для тебя легко смыть позор с нашего дома? Спроси об этом самых легкомысленных женщин: тебе скажут, что отныне он неизгладим и что этим я обязан одной тебе, тебе, которую я уважал более всею на свете, которую считал образцом чистоты и благоразумия, которую любил нежно и почтительно, которой верил безусловно и без всякого опасения.

Волнение чувств захватило голос Долевского. Он замолчал, но

колеблющаяся грудь, судорожно сжатые губы и бледность щек показывали, как истинно, как глубоко его огорчение. В самом деле, только теперь, когда он убедил себя в невозвратной утрате сердца Анны Петровны, только теперь он почувствовал, до какой степени любил ее. С ним случилось то же, что случается обыкновенно с ветрениками, которые понимают всю цену сокровища тогда только, когда его по теряют.

– Это превосходит всякое вероятие! – начала Анна Петровна тихим голосом. – Вы поступили как нельзя хуже и вы же меня обвиняете! Впрочем, я готова отвечать вам на все, чтоб видеть, как далеко простираются ваше лицемерие, ваша несправедливость. Извольте меня спрашивать.

– Прежде всего я желал бы знать, почему вы оставили маскарад и увезли с собою мою шляпу и шубу?

– Я оставила маскарад потому, что мне сделалось там смертельно скучно; шуба и шляпа ваши были у моего человека; их никто не увозил, и вам самому очень хорошо известно, что вы приехали домой в своей шубе и шляпе.

– В самом деле??? А хотите ли вы посмотреть, в каком наряде я действительно вернулся из маскарада?

– Меня это очень мало интересует; впрочем, пожалуй!

Долевский стремительно подал руку жене и повлек ее в кабинет:

– Вот в чем я приехал домой! – кричал он: – вот в чем...

Говоря это, он искал глазами на полу чужой шубы и шляпы, но они уже исчезли.

– Я ничего не вижу здесь, кроме ковра, – возразила жена, – ужели вы хотите меня уверить, что вы ехали со мною завернувшись в этот ковер? Но я сейчас обнаружу всю нелепость ваших странных, фантастических выдумок.

Тут Долевская позвонила.

– Принеси сюда, – сказала она вошедшему слуге, – ту шубу и шляпу, в которых барин приехал нынешнюю ночью из маскарада.

Через минуту слуга исполнил ее приказание.

– Где ты взял это? – закричал Долевский, – сказывай, кто тебе отдал мою шубу и шляпу, которых искал я целый час у подъезда?

– Вы сами изволили отдать мне их в передней на руки, когда воротились из маскарада.

– Прочь с глаз моих, негодяй! – заревел Долевский. – Я теперь вижу, что целый дом против меня в заговоре; я теперь понимаю, что здесь все против меня сооружено и подкуплено! И кем же? Моею женою! Вот

награда за мое ребяческое доверие!

– Жаль мне вас, – начала Анна Петровна, – никогда я не ожидала, чтоб вы могли унизиться до таких бесполезных и смешных изворотов! Прошу вас об одном: позвольте мне вас оставить... – Тут Долевская горько зарыдала.

– Да объясните же мне, наконец, эту загадку, – сказал Долевский.

– Вам очень хорошо известно, что вы приехали домой вместе со мною, в своей шубе и шляпе, вот в этой маске и в этом домино с красной ленточкой, тайну которой узнала я от служанки; вы очень хорошо помните, как нарушили мой сон, являсь неожиданно в моей спальне, как погасили мою лампаду...

Тут Долевский уже потерял совершенно рассудок. Бессмысленно глядел он на капучин и маску, топал ногами, рвал на себе волосы, вопил, проклинал себя. Он заставил Долевскую несколько раз повторить рассказ о случившемся и, убедясь, наконец, что она говорит без обмана, впал в мучительное подозрение, что какой-нибудь злодей воспользовался его отсутствием и нарядился в его одежду. Он признавал в этом кару провидения за свои шалости, в которых громко и подробно теперь каялся.

– Прости меня, Анна, – повторял Долевский на другой день утром, целуя руки своей жены, – я всегда любил тебя, а теперь люблю более, нежели когда-нибудь; я хочу загладить свои прежние проступки: на этой же неделе оставим столицу, чтоб избежать толков и сплетней, которых я предвижу целую бездну; уедем на полгода в нашу подмосковную деревню, предав совершенному забвению всех капучинов и других маска радных оборотней. Докажем им, что они, намереваясь окончательно разрушить паше семейное счастье, утвердили его навеки.

И Долевские оставили Петербург.